

У их группы не было даже названия — так, любительский кружок, сколоченный на скорую руку. Да и собрал его Ланс, поговаривали, исключительно на чистом энтузиазме.

Один дьявол ведал, зачем примерному отличнику сдались все эти хлопоты.

Как бы то ни было, именно он взял на себя роль соло-гитариста и взвалил на плечи все организационные заботы: от аренды репетиционных точек и составления расписания до закупки аппаратуры, поиска площадок для выступлений и — что важнее всего — выплаты жалованья.

На время испытательного срока Ланс положил Джеймсу два фунта в неделю. Сумма казалась смехотворной, но по меркам тех лет это было даже чуть больше, чем получали иные подмастерья.

Джеймс наконец-то смог вздохнуть с облегчением.

До сих пор он безбожно врал отцу и старшему брату, будто устроился учеником в автосервис. Однако даже стажёрам полагалась хоть какая-то копейка. Не окажись у него в кармане со временем ни единого шиллинга, домашние мигом раскусили бы его ложь и узнали неприглядную правду: никакой мастерской нет и в помине, а сам он целыми днями бездельничает и шляется по улицам.

А уж выложить им всё как есть... Нет, увольте. Джеймс не горел желанием пробовать на вкус «кулаки любви» разгневанных родственников за своё несерьёзное занятие. Но и заниматься «правильным» делом он тоже опасался: вдруг этот паршивый Ангел снова швырнёт его в прошлое, заставив переживать один и тот же день ещё раз пятьдесят? Приходилось партизанить. Единственный выход — молчать и крутиться, пока не добьётся хоть какого-то успеха. Вот когда начнёт сам себя кормить, тогда и можно будет подбирать слова для семейного разговора.

Потому-то Джеймс и вцепился в эту едва знакомую группу мёртвой хваткой. Выставь его сейчас за дверь — и пиши пропало: где ещё найдёшь тёплое местечко, где можно орать песни во всё горло и получать за это звонкую монету?

Уже в первый день новоиспечённый вокалист проявил завидное рвение и с порога засыпал товарищей вопросами:

— Привет, мужики! Ну, колитесь: что играем? Где выступаем? Какие песни у нас в репертуаре? Я тут слышал, сейчас из каждого утюга крутят эту... как её... «Сахарок, я люблю тебя». Может, мне её разучить быстренько, а?

— Ты сейчас это серьёзно, придурок? — Ланс уставился на него так, словно перед ним вырос единорог. — По-твоему, мы похожи на любителей этой сопливой эстрады? Петть такое дерьмо — всё равно что глушить тёплое молоко с тремя ложками сахара. Тошнотворная гадость.

Джеймс, выросший под крылом отца и брата и отродясь не думавший о собственном внешнем виде, растерянно моргнул. Он невольно окинул взглядом своих новых соратников.

Соло-гитарист Ланс Уинфилд по-прежнему напоминал прилежного школьного отличника: чистенький, ухоженный, вежливый до тошноты. От него так и веяло лоском. Любая шмотка сидела на парне как влитая, словно её шили у лучших портных на Сэвил-Роу. Обычный чёрный костюм с белой рубашкой в сочетании с его смазливой... ладно, утончённой физиономией и длинными ногами превращал Ланса в готовую модель для модного показа. Истинный волк в овечьей шкуре... нет, утончённый джентльмен.

А вот второй его напарник — барабанщик Болдуин Барлоу, принимавший у Джеймса экзамен, являл собой полную противоположность холёному Лансу. Мужик он был мировой, спокойный и добродушный, но его вкусы в одежде... деликатно выражаясь, отдавали безумием. Долговязый и тощий, он был вылитый Иисус со старинных гравюр: густые кудри до плеч, лохматая борода во все щёки. Шмотки Болдуин подбирал размера на три больше, из-за чего его балахоны болтались на худом теле, точно тряпки на огородном пугале.

И эти двое рассуждают о каком-то общем стиле?

Джеймс развёл руками и честно признался:

— Ну, если начистоту, я ни черта не вижу.

В синих глазах Ланса заплясали весёлые искорки. Этот самовлюблённый павлин явно помнил былые обиды и не упускал случая уколоть новичка.

Благо Болдуин никогда не позволял измываться над людьми.

— Кончай зубоскалить, Ланс, — добродушно осадил он гитариста и повернулся к Джеймсу: — Мы играем рок, парень. Настоящий рок.

— А, это где орут и дико гремят кастрюлями? — ляпнул Джеймс раньше, чем успел подумать.

— Господи, какой же ты всё-таки баран. Ты вообще в пещере рос? — Ланс закатил глаза к самому потолку и со свистом выдохнул.

Джеймс густо покраснел. Даже его закалённая годами дворовых драк шкура сейчас не спасла от жгучего стыда.

Хоть он и бывал порой упрямым ослом, но справедливость признавать умел. Ребятам кровь из носу нужен был вокалист, чтобы наконец начать репетиции, а к ним прибился абсолютный профан. Да, они сами его выбрали, но глупо отрицать — проблем он им подкинул знатно.

Джеймс вздохнул и повинулся:

— Ладно, косяк мой. Простите. Я... я буду стараться. Обещаю.

Стоило ему сбавить обороты и признать неправоту, как обычно острый на язык Ланс мгновенно стушевался. Он растерянно захлопал ресницами и беспомощно глянул на друга.

Болдуин, как всегда, пришёл на выручку. Он по-отцовски потрепал Джеймса по шевелюре:

— Не бери в голову. Ланс и сам-то из рока знает всего три аккорда.

— Эй! — Ланс аж подскочил на месте, лицо его полыхнуло праведным гневом. — Старина Бао, ты на чьей вообще стороне?!

Джеймс прыснул со смеху. Он широко осклабился, сверкнув острыми клыками, а его зелёные глаза лукаво сузились. Весь его вид так и говорил: «Ага, сам-то ушёл недалеко!»

Разногласия были забыты, и троица дружно двинулась к Болдуину. Тот снимал скромный угол и жил один, так что греметь там можно было хоть до утра — никакие занудные предки над душой не стояли.

Особой чистотой холостяцкая берлога не блистала. Но парням было плевать. Даже вечно вылизанный Ланс оказался вовсе не брезгливым чистюлей, а просто любителем прихорошиться. Сгребая ногами пустые жестянки и обрывки газет, ребята уселись прямо на дощатый пол — никакой мебели, кроме старой кровати, в каморке не водилось.

За несколько часов Джеймс совершил для себя грандиозное открытие: рок-музыка — это не только дикий грохот и ор, у неё тысячи разных обличий. А потом Ланс достал пластинку с парнями, подстриженными под горшок. С обложки на Джеймса смотрели кумиры его товарища — великие «Битлз». С этой секунды они стали божествами и для самого новичка.

Ощущение было неопишмым.

Когда игла коснулась винила и комната наполнилась первыми аккордами, у Джеймса перехватило дыхание. Будто тучи над головой разом разошлись и тёплый, ослепительный луч залил всю его серую, унылую жизнь. Наверное, глупо звучать так пафосно... Но парень действительно впервые в жизни осознал, насколько прекрасной бывает музыка.

Раньше ему было просто не до этого: вечная нужда, семейные неурядицы, драки на улицах... Когда тут слушать? Но сейчас плотина рухнула. В его затуманенной голове словно зажёгся свет — будто дзенский наставник со всей дури огрел его бамбуковой палкой по макушке, мигом прочистив мозги.

Как только песня затихала, возбуждённый Ланс хватал свою гитару. Он прижимал её к себе бережно, почти любовно, и длинными пальцами подбирал на слух уплывающую мелодию. Джеймс смотрел на него раскрыв рот. Образ заносчивого, самовлюблённого отличника таял на глазах. На его месте рождалось нечто совершенно иное, манящее и грандиозное.

Парень с гитарой в руках выглядел так, словно держал весь мир. Пускай он сидел на грязном полу, от него исходила необъяснимая, властная сила. Ланс вскинул голову, уверенный и гордый; его синие глаза сияли звёздами, а тонкие пальцы порхали над грифом, извлекая из натянутых струн чистые, пронзительные звуки знаменитой «Hey Jude».

Джеймса словно приворожили. Ему дико, до зуда под кожей захотелось стать частью этого чуда, ворваться в эту сияющую вселенную звуков. Он кашлянул, переборол неловкость и тихонько замурлыкал под нос мотив. Сначала робко, едва слышно, словно испуганный кролик, крадучись выбирающийся из норы...

Но высокомерный Уинфилд не стал язвить. Он лишь мягко улыбнулся одними глазами, подбадривая вокалиста. Почувствовав уверенность, Джеймс отбросил страх. Струны вели его за собой, бережно сглаживая неровности неопытного голоса, и парень, пускай и спотыкаясь, допел песню до конца.

В воздухе родилось то неуловимое единение, что связывает вокалиста и гитариста невидимой нитью. Настоящая магия первого сотворчества — химическая реакция, в которой прежние молекулы распадаются на атомы, чтобы те сложились в совершенно новое вещество.

Болдуин прикурил сигарету и, щурясь от дыма, опустился на скрипучую кровать. Глядя на этих двоих, он чувствовал себя свидетелем великого таинства. Их первая, ещё несмелая репетиция дарила странную уверенность: у них всё получится.

Они обязательно взлетят. Пусть пока у них за душой не было ни гроша.

<http://bllate.org/book/19389/1950553>